

КОЗЛОВ Владимир Петрович, д-р.истор.наук., член-корреспондент РАН, профессор, учебно-научный центр «Новая Россия. История постсоветской России» исторического факультета, Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), e-mail: petrovich1949.kozlov@yandex.ru

KOZLOV V.P., Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Educational and Scientific Center «New Russia. History of Post-Soviet Russia», Department of History, Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: petrovich1949.kozlov@yandex.ru

«ПРАВДА ИСТОРИИ» И ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

«THE TRUTH OF HISTORY» AND DOCUMENTARY MEMORY

Аннотация. В статье рассматривается рамочное понятие исторической памяти и предлагается новая типология форм исторической памяти (обыденная, конструктивистская, научно-познавательная). Кроме того, отдельно вводится понятие документальной памяти – результата трансформации документа как регулятора человеческой жизнедеятельности в носитель памяти об этой жизнедеятельности – документальный исторический источник.

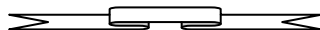
Автором анализируются разные свойства документальной исторической памяти (непрерывность, неактивированность, неприкосновенность и др.), а также её функции, важные для познания прошлого.

Ключевые слова: история, историческая память, конструктивистский тип исторической памяти, документ, документальная историческая память.

Abstract. The purpose of the article is to consider and correlate the concepts of "the truth of history" and documentary memory. The author examines the framework concept of historical memory and proposes a new typology of forms of historical memory (ordinary, constructivist, scientific and cognitive). In addition, the concept of documentary memory is introduced separately – the result of the transformation of a document as a regulator of vital activity.

As a result of the research, the author analyzes various properties of documentary historical memory (continuity, inactivation, inviolability, etc.), as well as its functions which are important for cognition of the past.

Keywords: history, historical memory, constructivist type of historical memory, document, documentary historical memory.

ВВЕДЕНИЕ

Нередко употребляющиеся в публичном дискурсе понятия типа «правда истории» или «фальсификация истории» представляются недостаточно обоснованными. Строго говоря, «фальсификацией истории» можно признать лишь сознательно придуманные, никогда не

имевшие места в прошлом факты, «домысливаемые» ради достижения каких-то целей, а также вымышленные и обнародованные документы, выдаваемые за подлинные и достоверные, содержащие «свидетельства» о якобы имевших место в прошлом фактах, событиях и явлениях. Разоблачение таких «фальсификаций» – дело кропотливое, но вполне реальное.

То же самое можно сказать и о понятии «правда истории». С точки зрения исторической науки оно не выдерживает критики. Мы всегда имеем дело с совокупностью реальных фактов, отразивших событие, явление, процесс и получающих в исторических исследованиях нередко различные, а порой и прямо противоположные трактовки. Для доказательства той или иной трактовки события, явления, процесса используется набор сколь угодно различных аргументов, предлагаемых для публичного обсуждения. При этом для научного сообщества важна аргументированность той или иной трактовки события, явления, процесса, и всегда вызывает раздражение и отторжение политизированная подоснова предлагаемых аргументов. Поэтому более корректным было бы говорить о «примитивной», «игнорирующей реальные факты прошлого», «основанной на сиюминутных интересах правящей элиты некоторых государств» не столько фальсификации, сколько политизации истории. Тем самым можно было бы продемонстрировать уважение к мировой исторической науке, желание вырвать прошлое из рук сиюминутных политических интересов и канализировать его изучение и обсуждение в среде профессиональных историков.

Одним из способов уйти от споров о «правде истории» и «фальсификации истории» стало введённое в научный оборот понятие «историческая память» [8, с. 20]. Следует рассматривать его как своего рода метафору. Существует память физическая, когда мы, например, видим вспышку сверхновой звезды, канувшей в небытие иногда миллионы лет назад. Существует также память физиологическая, сохраняющаяся нашим мозгом, а может быть, и сердцем, память генетическая о каждом из нас как неповторимом божественном или природном создании. По аналогии мыслится и память историческая, формируемая у человека и общества различными способами.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

Трактовки понятия «историческая память» существенно различаются. В литературе часто

в качестве синонимов можно встретить употребление терминов «культурная память», «социальная память», «историческая память», «документальная память». Эта путаница сама по себе является проблемой, тем более что некоторые термины попросту бесполезны и даже вредны для архивоведения, археографии и документального источниковедения, размытая предметы и объекты этих дисциплин, лишая их особого предназначения и эвристических возможностей.

Наиболее широкое из всех этих понятий – «социальная память» – включает в себя и историческую память, и документальную память, и память поведенческую (не забыть выключить телевизор). Что такое культурная память зачастую понять сложно, хотя можно вслед за А. Ассман допустить, что под этим понятием скрывается всё многообразие символов, сохранившихся до наших дней на материальных носителях [2, с. 32]. Наиболее предметно, на наш взгляд, понятие исторической памяти, однако и оно, как уже было сказано, в своей современной трактовке похоже на двуликого Януса. В узком смысле под исторической памятью понимают не что иное, как знание о прошлом, получаемое с помощью общепринятых исследовательских методов, то есть доказательное знание о прошлом, которое невозможно опровергнуть. Однако, с другой стороны, когда мы говорим о коллективной исторической памяти (то есть рассматриваем её с позиций социологии), то включаем в неё наравне с профессиональным знанием и обыденные представления людей о прошлом, которые могут быть выявлены путём опросов общественного мнения или через такие проекты, как, например, прозвучавший в своё время конкурс «Имя России» (2008г.). Проект этот был весьма интересным, демонстрирующим важность коллективной исторической памяти как одной из «скреп» современной российской государственности. Перспектива целенаправленного конструирования исторической памяти – «исторической политики» – выглядит с этой точки зрения весьма соблазнительной. Она может осуществляться как через разные институты, так и с помощью законодательства. При этом следует

иметь в виду, что историческая память стала всё чаще подменять собой историческое знание, которое сегодня в лучшем случае трактуется лишь как одна из разновидностей исторической памяти. И одновременно историческая память начала трактоваться в оценочном ключе – как память «героическая» или «трагическая» [7].

Историческая память – естественное социальное свойство человека, общества, государства. Она изменчива во времени, отражая изменчивость жизни как процесса далеко не всегда поступательного, но движущегося в бесконечную неопределенность будущего. Эта изменчивость исторической памяти рождает известный скепсис относительно её соответствия действительному произошедшему прошлому, несмотря на то что человек, общество, государство в любые времена связаны с этим прошлым тысячами видимых и невидимых нитей, подчас осознанно и неосознанно подчиняясь созданным в прошлом обстоятельствам, оставаясь в их власти или стремясь к их улучшению, поправлению, модернизации, а то и к разрушению. Но независимо от любого понимания прошлого заметим, что тяга к его познанию есть свойство человеческого ума и души – неизменное как, например, правила арифметики. Иначе говоря, историческая память всегда выступает как часть общественного сознания и представляет собой многослойный конгломерат представлений о прошлом, существующих у человека, сообществ людей и их государственных объединений. В зависимости от способов и источников формирования исторической памяти можно говорить о нескольких её формах.

ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Первый тип исторической памяти – обыденный. Это представления о прошлом человека, принадлежащего к определённой социальной группе, части общества. Для обыденного типа памяти характерна избирательность – она акцентируется не на исторических явлениях и процессах, а на именах и событиях, почему-либо особенно запомнившимся её носите-

лям, особенно важных для них. Во-вторых, этому типу памяти свойственно соперничающее отношение к предкам, чувство идентичности, связь с прошлым своего поселения, города, региона, страны. В-третьих, обыденный тип памяти о прошлом, как правило, носит воспоминательный характер, а значит, хронологически ограничен периодом жизни двух-трех поколений. В-четвертых, этот тип памяти наиболее восприимчив к мифологизации прошлого, воспринимая миф как абсолютную реальность. Источниками формирования обыденного типа памяти ныне являются СМИ, включая Интернет, коммуникативная среда (рассказы близких и знакомых), произведения литературы и искусства, увлеченные занимательностью музейные и туристические экскурсоводы, а также масса других источников информации о прошлом, с которыми человек встречается на протяжении своей жизни.

Второй тип памяти мы можем условно называть конструктивистским. Это те случаи, когда человек, общество, государство конструируют прошлое, то есть осознанно выстраивают, рисуют его картину под свои цели и задачи, когда прошлое стремятся не только приновить к настоящему и будущему, но и сделать его политическим инструментом. Раскавычивая слова выдающегося мыслителя Августина Блаженного, мы можем сказать, что для конструктивистского типа памяти о прошлом характерна его трактовка исключительно через определенные интересы настоящего. Прошлого как времени ушедшего для него не существует, есть только время прошлого как время настоящего.

Этот тип памяти имеет свои ответвления. Наиболее мощное из них – политологическое конструирование памяти о прошлом, как правило, всегда и везде поддерживаемое разными политическими силами и в их интересах. Другое заметное ответвление конструктивистского типа памяти о прошлом находится в плоскости «искренней веры» или искреннего заблуждения. Мы имеем в виду не только религиозную пристрастность, но и увлеченность определенной концепцией, идеей, оригинальным, совершенно необычным видением ушедшего време-

ни – его людей, событий, явлений, процессов.

Конструктивистский тип памяти о прошлом несколько более совершенен в сравнении с обыденным. В разумных пределах, когда речь идет о подпитке с его помощью кардинальных и истинных интересов государства и общества, когда он не противоречит нормам гражданской и религиозной морали и нравственности, этот тип памяти о прошлом необходим и обязателен как таблица умножения для начинающего жить человека. Без азов конструктивистского типа памяти о прошлом осознанная человеческая жизнь, существование политических институтов, включая национальные государства, невозможны. Но надлежит понимать и все опасности конструктивистского типа памяти о прошлом. Его политическая и интеллектуальная многовариантность содержит скрытые угрозы религиозного фанатизма, национализма, фашизма – всего того, что стремится к деформации современного мироустройства, желает дестабилизировать его вопреки чаяниям, надеждам и воле здорового большинства.

Конструктивистский тип памяти о прошлом силен и опасен своими особенностями.

Во-первых, он, как правило, актуализирует память о прошлом. С одной стороны, это хорошо: людям сегодняшнего дня полезно не только знать, но и учитывать опыт прошлого при решении сходных современных задач. Но, с другой стороны, такая актуализация часто носит поверхностный характер, опирается на формальные внешние признаки похожести событий прошлого и настоящего.

Во-вторых, конструктивистский тип памяти о прошлом во всех случаях и при любых ситуациях сознательно или неосознанно модернизирует память о прошлом, не учитывая принципа историзма. Дело представляется так, будто мы, сегодняшние, сами находимся в прошлом, зачастую свысока оценивая решения предков «недотёп».

В-третьих, и это, пожалуй, главное – его носители стремятся подчинить факты, события, явления, процессы прошлого политической конъюнктуре, сделать их «упряжью» или «скрепой» для решения задач настоящего.

Сторонники конструктивистского типа памяти широко оперируют понятием «образ прошлого». В их понимании это символически-информационная конструкция, внедряемая в общественное сознание. «Образы прошлого» могут быть прямо противоположными относительно тех или иных событий и людей, пересекающимися быстро меняющимися в среде одних и тех же их создателей и носителей. Оперирование понятием «образ прошлого» оставляет в стороне объяснение оснований, по которым формируются эти образы.

Конструктивистский тип исторической памяти отличается от обыденного тем, что в его основе лежит исторический источник. Однако его применение, то есть использование, носит исключительно потребительский характер, главной особенностью которого является принаравливание источника к заранее выбранной, придуманной конструкции какого-либо сюжета прошедшего. Исторический источник – вещь бездонная и безграничная, неисчерпаемая по своей сути. Поэтому выборочное, селективное использование его свидетельств и подстраивание их под заранее придуманную схему прошлого бывает удобным и внешне убедительным.

Научно-познавательный тип исторической памяти прямо противоположен конструктивистскому. В сфере его внимания находится проверенное и достоверное свидетельство источника или совокупность свидетельств, на основе которых реконструируется прошлое, устанавливаются события, явления, процессы, случившиеся в прошлом. Иначе говоря, научно-познавательный тип исторической памяти не подстраивает свидетельства источников под определенную схему, а через выявление и анализ свидетельств источников такую схему устанавливает. Научно-познавательный тип исторической памяти изменяется во времени: меняется в сторону постепенного расширения проблематика его интересов, совершенствуются методы добывания свидетельств о прошлом из исторических источников.

Таким образом, конструктивистский и научно-познавательный типы исторической памяти сохраняют в сфере своего внимания историче-

ский источник. Разница заключается только в том, что первый тип памяти идёт к источнику от концепции, а второй – от источника к концепции.

Историческая память может выступать и как культурная память или как память нематериальной духовной жизни людей, зафиксированная в обрядах, мифах, верованиях и других проявлениях человеческого духа, сохраняемых в традициях того или иного народа. Мы имеем в виду натурную демонстрационную форму этого типа исторической памяти, поскольку любая её фиксация автоматически превращает такую память в память документальную. Исторический источник – это любой «интеллектуальный продукт», создаваемый человеком. Однако документальный исторический источник среди других видов исторических источников занимает особое место, являясь носителем и особого типа исторической памяти. На её особенностях мы остановимся ниже, имея в виду, что документальная память – это память документа.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Документальная память выступает не менее чем в четырех ипостасях: как память о конкретном человеке, повседневности, фактах, явлениях, событиях, процессах прошлого, определявших человеческую жизнедеятельность и судьбы конкретных людей и, наконец, память о человеческой жизнедеятельности, предопределившей те или иные события, факты, явления, процессы в прошлом. Нередко документальная память имеет практическое правовое значение для решения проблем современности. Известно, например, какую роль правовая составляющая документальной памяти сыграла в выплате денежной компенсации германским Фондом взаимопонимания и примирения советским людям, угнанным на работы в Германию в годы Великой Отечественной войны.

Документальная историческая память является результатом трансформации документа как регулятора человеческой жизнедеятельности в носитель памяти об этой жизнедеятельности – документальный исторический источ-

ник. В своих предшествующих работах мы не раз пытались рассмотреть особенности документальной памяти как одного из типов исторической памяти [5]. Подчеркнем, что эти особенности как раз и дают нам возможность разделить документ как, говоря словами О. М. Медушевой, «интеллектуальный продукт» от других интеллектуальных продуктов, создаваемых человеком, например электрической лампочки, а значит, отнести знание о нём к особому – архивоведческому, археографическому и источниковедческому знанию.

На наш взгляд, понятие документальной памяти должно стать важнейшим системообразующим понятием исторического знания. Однако до сих пор более привычным является употребление другого понятия – «архивный фонд страны» [3]. И понятно, почему. Оно было изобретено в России в условиях государственного нестроения и Гражданской войны, когда нужно было спасать архивные документы. Это не архивоведческое, тем более не археографическое или источниковедческое, а чисто административное понятие по сей день играет важнейшую организующую роль в архивном деле. Мы, безусловно, далеки от того, чтобы призывать от него отказаться. Но обращаем внимание, что в архивоведении других стран ничего подобного этому термину нет.

Иначе говоря, в историческом знании понятие «документальная память» должно занять ключевое системообразующее место, а принцип документального запоминания действительности должен стать важнейшим при характеристике документальной памяти и работе с ней. Если это особый тип памяти, то мы должны непременно показать эти особенности, поняв и объяснив специфику документальной памяти, выявить особенности ее изучения.

Документальная информация есть не что иное, как сообщение, имеющее смысл и преследующее определенные цели в момент своего создания как некий регулятор общественных процессов. Как регулятор такая информация имеет наивысшую полезность в момент создания, которая со временем неизбежно снижается. Но, утрачивая утилитарную полезность, эта информация обретает ценность бла-

годаря способности отражать произошедшее. Такую информацию в литературе давно рассматривают с позиции теории отражения реальной действительности или как её «запоминание» в качестве частного случая отражения [1]. В этой связи встает вопрос об объективности такого отражения-запоминания, поскольку в подавляющем большинстве случаев оно является, во-первых, результатом субъективного осмысления текущей реальности автором документа и, во-вторых, зависит от её восприятия уже не автором, а потребителем.

В советской литературе рассмотрение познавательных возможностей исторического источника, в том числе документального, с позиций теории отражения основывалось на том, что реальная действительность, существующая независимо от человека, и эта же действительность, воссоздаваемая человеком, так или иначе, отражается в документе как регуляторе человеческой жизнедеятельности, который со временем трансформируется в исторический источник. Теория отображения в исторических источниках реальной действительности в таком толковании носила гносеологический характер и как бы проскакивала важный этап такого отображения, связанный с механизмом сохранения. В этом случае исторический источник, в том числе документальный, представлял собой не просто отображение, а запоминание такого отображения и передачу его во времени и пространстве. Поэтому понятие документальной памяти, представляя нам одну из разновидностей отображения реальности, одновременно выступает в качестве её запоминания и носителя такого запоминания. Иначе говоря, документальная память – это отображение-запоминание реальной действительности прошлого.

Как мы могли убедиться выше, информация документа в процессе его бытования способна изменяться. Часть её в результате различных физических воздействий может утрачиваться безвозвратно или реконструироваться с той или иной степенью полноты. В других случаях, наоборот, документ за счет резолюций и помет приобретает дополнительную информацию.

Документальная память – это не что иное, как совокупность бесконечного множества структурированных и имеющих смысл сообщений, зафиксированных в документах в процессе их создания и оперативного бытования как регуляторов человеческой жизнедеятельности. Такие сообщения есть не что иное, как различные типы документальных свидетельств (свидетельства-факты, свидетельства-события, свидетельства-явления, свидетельства-процессы), зафиксированные в текстах документов. Эта совокупность обладает свойством одновременного увеличения и уменьшения. С одной стороны, документальная память постоянно растет в своих объемных физических и когнитивных измерениях. С другой стороны, документальная память по разным причинам сохраняется во времени далеко не в полном своем виде. В современных условиях, помимо форс-мажорных обстоятельств, она неизменно и неизбежно уменьшается и прежде всего за счет организованных и сознательных действий по её утилизации.

В результате экспертизы ценности создается особая часть документальной памяти – документальная историческая память. В современных условиях документальная историческая память складывается не стихийно, а формируется на основе специальных общепринятых и формализованных критериев, обеспечивающих выделение той части структурированных сообщений документов и самих документов, которые сохраняют свою полезность и ценность неопределенно долго или бессрочно. Эта часть документальной памяти подлежит вечному сохранению.

Надо признать, что в формировании документальной исторической памяти присутствует элемент субъективизма. Но этот субъективизм, если не нейтрализуется, то смягчается тремя факторами. Во-первых, за рядом исключений, такое формирование осуществляется публично, на основе доступных и известных нормативов. Во-вторых, «прополка» документальной памяти является не индивидуальным, а коллективным актом консультативно-консенсусного характера. В-третьих, селекция документальной памяти строго документирует-

ся, что дает возможность при необходимости осуществить реконструкцию её ликвидируемой части.

Таким образом, документальная историческая память представляет собой искусственно сформированную совокупность документальных свидетельств, сохраняющих постоянную, бессрочную, вечную полезность и ценность для любого её пользователя ныне и в будущем. Её прогностическая полезность и ценность может содержать ошибки, но в современных условиях простой перевод всей документальной памяти в документальную историческую память невозможен. Он может стать возможным, когда средства и способы ее сохранения, например, с помощью оцифровки станут дешевле, эффективнее и оперативнее, чем ликвидация, а сама такая ликвидация оригиналов ее носителей коснется лишь их определенной части.

Документальная историческая память предстает перед ее пользователем в двух видах – произвольном и произвольном.

Непроизвольный вид документальной памяти является результатом оперативного бытования её носителя – документа – как регулятора человеческой жизнедеятельности. Это значит, что она создается не для того, чтобы стать документальной памятью, т. е. не ради запоминания происходящего, а для решения поставленных практических задач. Запоминание этих решений является всего лишь следствием достижения через них определенных целей.

В отличие от произвольной документальной памяти, произвольный вид документальной памяти возникает в результате целевого намерения её создателей сделать такую память исторической, т. е. важной для понимания прошлого. В этом смысл её целеполагания. Наиболее известными примерами произвольной документальной памяти являются мемуары или служебные записки, связанные с историческими обзорами определенных явлений и процессов.

Документальная историческая память обладает свойством непосредственности запоминания происходящего. Оно связано с главным функциональным предназначением доку-

мента – быть оперативным регулятором событий, явлений и процессов современности, средством и способом реализации вмешательства в них человека и установления результатов такого вмешательства. Это свойство документа имеет неоднозначное значение для понимания документальной исторической памяти. С одной стороны, она отражает то, что действительно происходило, что оперативно зафиксировано в документе на оперативной стадии его бытования. С другой стороны, далеко не всегда бытование документа как оперативного регулятора современных ему событий, явлений и процессов отражает их в подлинном виде, т. е. так, как было на самом деле. Пристрастие, возможность ошибаться как свойства мыслительной деятельности человека, определенного человеческого социума – вещь временная и вненациональная. Да и сама схема запоминания действительности с помощью глаз и мозга человека далека от совершенства и к тому же носит индивидуальный характер, определяется психикой человека. В этой связи встает вопрос об объективности такого отражения-запоминания, поскольку в подавляющем большинстве случаев оно является, во-первых, результатом субъективного осмысления текущей реальности автором документа и, во-вторых, зависит от ее восприятия уже не автором, а потребителем, в том числе как памяти о произошедшем.

С учетом этого можно признать, что документальной исторической памяти, как и любому другому типу исторической памяти, присуще свойство пристрастности. Оно имеет свою особенность. Тут пристрастие выступает не как внешнее свойство конструктивистского или научно-исследовательского типов исторической памяти, реконструирующих прошлое по своим принципам и методам, а как ее естественное внутреннее состояние. Пристрастие документальной исторической памяти органично, отражая прошлую современность так, как ее пристраивали люди в реальной жизни. Разумеется, это не значит, что исследователи документальной исторической памяти должны воспринимать ее свойство пристрастности как данность. Научно-исследовательский тип исто-

рической памяти и призван с помощью общепризнанных методов и приемов нейтрализовать это свойство документальной памяти.

Еще одно свойство документальной исторической памяти – непрерывность. Она запоминает зарождение, развитие, результаты и прекращение какого-либо факта, события, явления, процесса как в одном, так и в совокупности документов на протяжении различных временных периодов. Разрыв такой непрерывности носит как объективный, так и субъективный характер и является, как правило, следствием различных социальных катаклизмов. Он преодолевается виртуальной ликвидацией дискретности документальной памяти во времени и пространстве или реконструкцией не сохранившихся по разным причинам документов.

Части документальной исторической памяти присуще свойство воспоминательности. Однако, в отличие от обыденного типа исторической памяти, здесь оно более организовано, так как основывается не на устном запоминании, а на фиксации этого запоминания письменным, аудиовизуальным или иным способом самим человеком – автором воспоминаний, а также в процессе так называемого инициативного документирования или записи «живого наследия». Это свойство, несмотря на свою высокую организованность, также не лишено пристрастия, которое выявляется благодаря еще одному свойству документальной исторической памяти.

Оно связано с системностью документальной исторической памяти. Ее носители – документы – почти всегда представляют собой систему документации как совокупность взаимосвязанных документов, создающихся для организации функционирования определенной сферы человеческой жизнедеятельности. В такой системе каждый документ имеет свое целевое предназначение, ради которого он создается в качестве определенного регулятора. Причем, в отличие от книги, такая связь в первую очередь естественная, определяющая само бытование документа, и лишь потом, как и в случае с книгой, основанная на логических построениях. Эта связь проявляет себя в гори-

зонтальных и вертикальных документационных «цепочках документов» одного и нескольких фондообразователей, решающих общую задачу во времени (например, дневник и мемуары человека), в пространстве (например, дневники и мемуары нескольких человек, рассказывающие об одном и том же событии).

Более того, мы уже давно говорим о многих системах документации, взаимосвязанных или совершенно изолированных друг от друга. Они придают системность и документальной исторической памяти. Это означает, что она состоит не из отдельных сегментов, ячеек, фрагментов, никак не связанных друг с другом, а представляет собой всегда разные, большие и малые, совокупности документов прошлого, естественно в процессе своего оперативного бытования как регуляторов современности связанные друг с другом. Архивное дело, архивный фонд, архив определенного профиля, газета, журнал, книга есть не что иное, как отражение системности документальной памяти. Прошлое в нем «упаковано» естественным образом – так, как организовывалась жизнь через ее документированную упорядоченность.

Документальная историческая память обладает высокой степенью неприкосновенности. Утрата части документальной памяти в результате экспертизы ценности является событием хотя и не совсем нормальным, но всё же регулируемым, подкрепленным опытом, публичными нормативами, здравым смыслом и консенсусом экспертов. После экспертизы ценности документальной памяти любые её утраты являются событиями чрезвычайными, даже в случае воздействия непреодолимой силы. Обеспечение неприкосновенности документальной памяти через комплектование и обеспечение сохранности архивных документов входит в число трех важнейших функций архивов. Свойство неприкосновенности документальной исторической памяти является, в первую очередь, гарантией ее аутентичности и точности использования, а во-вторых, оно обеспечивает в будущем её новые и бесконечные по вариативности осмысления.

Следующей особенностью, правда, только части документальной исторической памяти

является её неактивированность, иначе говоря, засекреченность, связанная с ограничением доступа к документам в процессе их оперативного бытования и в состоянии покоя, в архиве. Это объективное явление, носящее вневременной и интернациональный характер. Однако оно существенно сужает использование документальной исторической памяти и даже приводит к её искажению и деформации в каждый момент востребованности. При этом следует иметь в виду, что засекречивание как особое явление в современном документировании имеет под собой не менее двух оснований. Если первое из них, связанное с защитой государственной и иной охраняемой законом тайны, оправдано и выражается определенным временным интервалом недоступности, то второе явно угрожает состоянию документальной исторической памяти как памяти публичной. Мотивом ее является стремление к забвению, исключению из исторической памяти всего травмирующего, откладывание на неопределенное будущее изучение всего негативного в прошлом. Поэтому активация этой части документальной памяти также должна быть явлением объективным и своевременным.

Еще немецкий философ Г. Риккерт, отмечая изменчивость во времени исторического знания, признавал неизменчивость «культурных ценностей, руководящих историческим изложением», т. е. исторических источников. Поэтому «истиной» в истории он признавал только «чистый факт», который несут в себе такие ценности [9, с. 123]. Не будем комментировать вторую часть утверждения, обратив внимание на ее первую часть. К числу «культурных ценностей» ученый относил и документальные источники. В отличие от всех других типов исторической памяти, документальная историческая память неизменчива, она такая, какой зафиксирована в документах. Это значит, что поправить её невозможно, так как такие поправки, связанные, например, с уничтожением документов – самым вызывающим способом исказить, деформировать документальную память, всё же грозят наказанием для тех, кто посмеет их инициировать.

Большая часть документальной историче-

ской памяти всегда находится в «свёрнутом», т. е. невостребованном состоянии, в ожидании своей актуализации в документальных публикациях, исторических исследованиях, других формах «развёртывания». Они преобразуют с разной степенью успеха документальную историческую память в историческое знание. Свернутость документальной исторической памяти – это нормальное состояние. Однако её актуализация не только зависит от внешней востребованности, но и связана с обязательными операциями по её упорядочению, наличию возможностей её поиска, обеспечивающих публичность, т. е. общедоступность документальной исторической памяти.

Документальная историческая память является составной частью научно-исследовательской исторической памяти и важнейшим источником ее формирования, развертывания и развития. Однако в документальных публикациях и документальном источнике введении она приобретает свойство непосредственного воздействия на ее пользователя. В этом случае она может выступать предметом занимательного, поучительного чтения и научно-исследовательского интереса без участия историка-«провайдера». Различные типы документальных публикаций, выработанные археографией, документальных источниковедческих исследований призваны удовлетворить любой рассмотренный выше тип исторической памяти.

Любые сообщения документальной исторической памяти в её произвольном и произвольном видах подлежат проверке на достоверность. Это обусловлено природой происхождения документальной исторической памяти, творцом которой является человек. Человек субъективен в понимании и фиксации происходящего. Эта субъективность может быть как бессознательной, так и сознательной.

Ещё раз повторимся, что о прошлом мы узнаем через исторические источники. Эта общераспространенная точка зрения, впрочем, имеет и своих критиков. Их крайнее, наиболее радикальное крыло утверждает, что история как прошлое – сфера, неподвластная познанию. Более умеренные сторонники этой точки зре-

ния предпочитают говорить о том, что познание прошлого всего лишь «акт веры», интуитивного и иррационального воспроизведения ушедшего. Исторического источника для сторонников этих позиций не существует, так как он просто не нужен, бесполезен [6, с. 91–92]. Правда, признание так называемой истории повседневности как направления, способного через микромир прошлого понять его макропроцессы, заставляет более внимательно относиться к источникам.

В самом общем смысле исторический источник – это любой «интеллектуальный продукт», создававшийся и создающийся людьми в прошлом, настоящем и будущем. Надо сказать, что к настоящему времени вещественные, предметные исторические источники и источники, производные от языка, стали объектом изучения специальных исторических и историко-филологических дисциплин, таких, например, как нумизматика, сфрагистика, геральдика, фалеристика, фольклористика и т. д. Поэтому сегодня, говоря об источниковедении, как правило, стремятся дополнить его определяющим прилагательным. В нашем случае речь должна идти о документальном источниковедении, объектом которого является самый важный и универсальный исторический источник – документ, а предметом – самая коварная частичка прошлого – документальное свидетельство. Результаты документального источниковедческого исследования могут как представлять самостоятельный научный интерес, так и иметь прикладное познавательное значение для применения в собственно историческом исследовании.

Для документального источниковедения, строго говоря, документальный исторический источник представляет собой некий состоявшийся, действительно в разное время созданный продукт человеческой жизнедеятельности, ставший одним из дошедших «остатков» этой жизнедеятельности. Как продукт, остаток этой жизнедеятельности, он является также, говоря словами И. Д. Ковальченко, одной из разновидностей «фактов исторической действительности». Помимо этой категории фактов, И. Д. Ковальченко называет еще две: «факты исто-

рического источника» («сообщение источника») и «научно-исторические факты («факты-знание»)» [4, с. 130]. Такой классификацией И. Д. Ковальченко демонстрировал процесс исторического познания – от факта действительности, случившегося в прошлом и зафиксированного структурированным сообщением документа, через отражение этого факта в источнике в виде документального свидетельства к факту в историческом исследовании («факту-знанию»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уважение «независимости прошлого», отрицание его «актуальности» в конструктивистском понимании означает другую парадигму: актуальность прошлого является не вызовом времени, а вызовом потребностей самой науки истории. Научно-познавательный тип исторической памяти, исходящий из признания принципа независимости прошлого от современности, вовсе не означает, что историческая память в этом случае не имеет актуальности. Накопленное новое и доказанное историческое знание о прошлом позволяет применить его к современности.

Формирование научно-познавательного типа исторической памяти представляет собой последовательный процесс установления определенных факта, события, явления и процесса прошлого и доказательство их достоверности на основе свидетельств исторических источников.

Научно-познавательный тип исторической памяти не означает абсолютизации источников в процессе познания прошлого. Слепое следование за ними может привести к тому, что желаемое может быть принято за действительность. Поэтому их обоснованная интерпретация является непрямым условием доказательной реконструкции прошлого. При этом установление подлинности и достоверности документальных источников в процессе их интерпретации остается одной из главных задач.

Таким образом, принципиальной особенностью работы историка является то, что между ним и прошлым лежит исторический ис-

точный, в первую очередь документальный, приемы анализа которого постоянно совершенствуются. Однако в историческом исследовании главное – исторический факт, который выявляется на основе проверенных документальных свидетельств источника, совокупность которых, как говорилось выше, и составляет документальную память. Иначе говоря, исторический факт реконструируется на основе материального (исторический источник как материальный объект) и идеального (свидетельство этого источника).

Научное знание о прошлом сегодня структурируется в исторических исследованиях как повседневная жизнь народа, социальных групп, человека в ее многочисленных проявлениях. Набор «структур» или показателей такой повседневности может быть бесконечным: каждое мгновение современности обнаруживает свой, особый интерес к той или иной повседневной жизни прошлого. Раскрытие, описание и объяснение таких черт повседневности позволяет выявить и доказательно охарактеризовать некие явления, процессы и даже закономерности человеческой истории в истории народов, социумов и людей. При таком подходе историческая истина бывает очевидной и доказательной.

Движение к такому постижению исторической истины в российской исторической науке обозначилось в 90-е годы прошлого века, когда для серьезных исследователей изучение документов, подготовка их документальных публикаций стали более важным занятием, нежели создание собственно исторических исследований. В основе этого движения лежит убеждение в том, что необходимо постижение прошлой повседневности через первоисточники, через живой, хотя почти всегда и повсеместно ангажированный, голос их авторов. Нам кажется, что для действительной исторической науки это есть и останется на ближайшие годы основным путем восстановления исторической памяти России.

Библиография/ References:

1. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М.: РГГУ, 2001. – 402 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алеяда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
3. Декрет о реорганизации и централизации архивного дела от 1 июня 1918 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/DEKRET/18-06-01-2.htm> (дата обращения: 16.11.2021).
4. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
5. Козлов В.П. Документальная память в архивоведческом знании. – М.: Архив РАН. Древлехранилище, 2017. – 330 с.
6. Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. – М.: Высшая школа, 1983. – 143 с.
7. «Не забудем, но простим?» Образ войны в культуре и исторической памяти [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-zabudem-no-prostim-obraz-voiny/> (дата обращения: 16.11.2021).
8. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Франция – память. – СПб.: Издательство С.-Петерб. университета, 1999. – С. 17–50.
9. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова; Сост. А.П. Полякова, М.М. Беляева; Подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

1. Avtokratov V.N. (2001) Teoreticheskiye problemy otechestvennogo arkhivovedeniya [Theoretical problems of domestic archival science]. – М.: RGGU. – 402s. (In Russ.).
2. Assman A. (2014) Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika

[Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics] / Aleyda Assman; per. s nem. Borisa Khlebnikova. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye. – 328s. (In Russ.).

3. Dekret o reorganizatsii i tsentralizatsii arkhivnogo dela ot 1 iyunya 1918 god. [Decree on the reorganization and centralization of archives of June 1, 1918]. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-06-01-2.htm> (data obrashcheniya 16.11.2021). (In Russ.).

4. Koval'chenko I.D. (2003) Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research] / I.D. Koval'chenko; Otdeleniye istoriko-filologicheskikh nauk. 2-ye izd., dop. – M.: Nauka. – 486s. (In Russ.).

5. Kozlov V.P. (2014) Dokumental'naya pamyat' v arkhivovedcheskom znanii [Documentary memory in archival knowledge]. – M.: Arkhiv RAN. Drevlekhranilishche. – 330 s. (In Russ.).

6. Medushevskeaya O.M. (1983) Sovremennoye zarubezhnoye istochnikovedeniye [Modern foreign source studies]. – M.: Vysshaya shkola. – 143s. (In Russ.).

7. «Ne zabudem, no prostim?» Obraz voyny v kul'ture i istoricheskoy pamyati [«We won't forget, but we will forgive?» The image of war in culture and historical memory]. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-zabudem-no-prostim-obraz-voiny/> (data obrashcheniya 16.11.2021). (In Russ.).

8. Nora P. (1999) Mezhdru pamyat'yu i istoriyey. Problematika mest pamyati / Frantsiya – pamyat' [Between memory and history. Problems of places of memory / France – memory]. – SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterb. universiteta. – S.17-50. (In Russ.).

9. Rikkert G. (1998) Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Natural sciences and cultural sciences]: Per. s nem. / Obshch. red. i predisl. A. F. Zotova; Sost. A. P. Polyakova, M.M.Belyayeva; Podgot. teksta i prim. R.K. Medvedevoy. – M.: Respublika. – 413s. (In Russ.).